

УДК 801.7:003

DOI 10.17223/19986645/23/2

Н.Б. Лебедева, Е.А. Корюкина

НАИВНЫЙ АВТОР КАК ПИСЬМЕННО-РЕЧЕВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ЖАНРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

В статье описывается письменно-речевая личность рядового носителя русского языка, проявленная через жанровую призму создаваемых им непрофессиональных текстов художественного и социально-гражданского содержания. Наивный автор, не обладающий навыками профессионального письма, создает тексты в особой жанрово-тематической форме, называемой нами жанроидом. Тем самым ставится проблема обоснования особой разновидности языковой личности и подтверждается гипотеза, что жанровый признак может лечь в основу описания языковой личности.

Ключевые слова: наивный автор, письменно-речевая личность, жанр, жанроид.

1. В данной работе мы описываем носителя естественной письменной речи как языковую личность со стороны ее жанрового сознания и жанровой реализации, тем самым ставим задачу обосновать положение, что письменно-речевая личность (ПРЛ) может быть описана со стороны ее жанровых предпочтений. Естественная письменная речь (ЕПР) характеризуется следующими признаками: письменная форма, отличающая ее от устных вариантов речи (диалектной, просторечной и литературной устной речи), неофициальность (повседневность) сферы бытования как интенциональный признак, спонтанность как способ осуществления письменно-речевой деятельности (кратчайшая временная дистанция между замыслом и осуществлением), непрофессиональность как способ и характеристика результата, отсутствие промежуточных лиц и инстанций («фильтров») между отправителем и реципиентом текста. Каждый из этих признаков ЕПР может быть выражен в различной степени, вплоть до нулевой (о ЕПР см.: [1, 2, 3, 4, 5]), при сохранении остальных признаков. Ослабленный характер каких-то признаков сдвигает этот тип текста на периферию всего пространства ЕПР, которое, следовательно, имеет полевую структуру. Таким образом, настоящая работа выполнена на пересечении трех направлений современной русистики: лингвоперсонологии (теории языковой личности), жанрологии (генристики) и теории естественной письменной речи. Мы используем предложенный Н.Д. Голевым в [6. С. 14] термин «лингвоперсона», под которым понимается конкретная языковая личность, реконструируемая из речевых произведений: это «портретные описания языковых индивидуумов (лингвоперсон)» [7. С. 499].

Аналитическая часть работы посвящена описанию конкретной лингвоперсоны – ПРЛ наивного автора художественных и публицистических текстов – Галины Петровны Касаткиной (далее – ГП), русской, 1940 года рождения, которую мы определяем как носителя естественной письменной речи. Она прожила большую и непростую жизнь, работала крановщицей, уборщи-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 12-14-42001а).

цей, трудилась в колхозе, в данный момент консержка большого элитного дома.

В качестве материала исследования нами взяты ее (ГП) письменные тексты «художественной» и «публицистической» (социально-гражданской) направленности. Хотя ГП пишет и другие речевые произведения – служебные и частно-личные, но в нашем распоряжении оказался большой текстовый материал именно вышеуказанной направленности, что и обусловило выбор предмета исследования. Эти тексты, видимо, можно отнести к разряду «наивной литературы» в понимании основателя Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета С.Ю. Неклюдова, поскольку они «...ориентируются на литературные (а не на устные) образцы; самими создателями они расцениваются как продукт индивидуального творчества (а не коллектива), включая выраженное авторское начало (в противоположность анонимному голосу фольклорной традиции). Соответственно, образцы "наивной литературы" представляют собой "разовые" (и в этом смысле уникальные) произведения. Иногда они к тому же ориентированы на камерное, даже интимное бытование (семья, узкий круг друзей и т.п.) и не предполагают тиражирования» [8]. Заметим, что мы рассматриваем эти тексты не в фольклорной парадигме, как это делается в упомянутом выше Учебно-научном центре типологии и семиотики фольклора РГГУ, а в свете теории естественной письменной речи, но, конечно, несмотря на различие в исходных установках этих двух филологических направлений, выделение определенных базовых характеристик этого объекта совпадает при различных подходах (см. также близкие взгляды в работах [9, 10, 11, 12, 13, 14]).

При анализе жанрового воплощения текстового материала, автором которого выступает ГП, мы используем элементы сопоставления их с моделями классических жанров, отрефлексированных в литературоведении, но не для оценки «далекости» их от образцовых канонов и в силу этого их несовершенства, а в качестве своего рода точки отсчета, фона, на котором обнаруживается специфика использования традиционных жанров в текстах ГП.

Заметим, кстати, что оценка наивных текстов с точки зрения их «далекости» от произведений профессиональной литературы весьма распространена, так как она как бы напрашивается сама собой: ведь оценивают их филологи, воспитанные на высокохудожественной литературе и обладающие выработанным на этой основе определенным эстетическим вкусом, с позиций которого подходят к любому тексту. При описании произведений наивных авторов нередко встречаются замечания оценочного характера: «литературная "хромота"», «неумение выдержать до конца сюжетную линию, слабость в разработке фабульных и психологических мотивировок, неразличение масштабов изображаемого», «произведения, сияющиеся, но не могущие стать литературой; произведения, которые именно с литературной точки зрения словно бы "хромают на все четыре ноги"» [8] и пр. Такого рода оценки обусловлены сопоставлением творчества наивных авторов с профессиональной литературой, когда каноны последней берутся в качестве «правильной» и образцовой нормы, а произведения наивных авторов воспринимаются как «недолитература». Мы придерживаемся принципа гносеологической толерантности (см. об этом в [15. С. 8]), при которой тексты ЕПР не оцениваются

с нормативных и литературноцентрических позиций – к ним осуществляется подход как к самоценным феноменам. Мы согласны с мнением А.П. Минаевой, высказанным на семинаре в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ (20–22 апреля 2000 г.): «Авторы "наивных текстов" и носители литературного языка существуют в двух разных социокультурных пространствах, в каждом из которых действуют свои ценности, нормы, критерии, находящиеся в коллективном пользовании» [8]. Этот взгляд близок к позиции Н.Н. Козловой и И.И. Сандомирской, которые считают, что издатели наивной литературы должны «предоставить тексту возможность просто быть» [9. С. 8], «прилагая все усилия к тому, чтобы никоим образом не нарушить ход оригинального письма, не поставить, по дурной интеллигентской привычке, запятую там, где ею пренебрег загадочный автор» [9. С. 7], удерживая «зуд нормирующей активности» [9. С. 7]. Кстати, в барнаульско-кемеровской лингвистической школе, в русле которой сделано представленное в данной статье исследование, не принято употреблять оценочные слова вроде «орфографическая (пунктуационная, стилистическая и пр.) ошибка», «неграмотно» и пр., поскольку это противоречит принципу гносеологической толерантности, поставленному нами во главу угла при исследовании текстов ЕПР. Об ошибке можно говорить, только если автор поставил себя в своей письменно-речевой деятельности в позицию оценивания – сдает экзамен, пишет диктант и пр. В остальных же случаях, т.е. вне официальной оценки, он имеет право писать как может, хочет и понимает. Здесь уместно вспомнить слова поэта Б. Окуджавы: «Каждый пишет, как он слышит. Каждый слышит, как он дышит. Как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить <...>». Вместо нормоцентрических и литературноцентрических оценочных слов мы можем говорить только о несовпадении написания с кодифицированными и конвенциональными нормами, если это потребует. Как сказано в процитированной выше фразе С.Ю. Неклюдова, тексты наивных авторов «разовые», не рассчитаны на публикацию («тиражирование»), они имеют адресатами узкий – семейный, дружеский – круг людей, не претендуют на профессионализм, не выходят в официальную сферу, следовательно, имеют право «просто быть», вне оценок, выработанных для других, в частности профессиональных, текстов.

2. Остановимся на общих характеристиках жанрового мышления наивного автора. Наличие среднего образования и чтение художественной и публицистической литературы ГП свидетельствует в пользу того, что автор ориентируется на творчество профессиональных писателей и имеет некоторое представление о жанрах, т.е. обладает в определенной степени жанровой компетенцией [16. С. 127]. Но анализ непосредственно текстового материала ГП показал одну особенность: они не носят достаточно выраженного жанрового оформления, а характеризуются размытостью, некоторой аморфностью, синкретичностью жанровых форм. Более того, иногда ГП переходит со стихотворной формы на прозаическую и возвращается опять к стихотворной, видимо, не отслеживая за собой такие «перескоки», поскольку она, как человек непосредственный и темпераментный, идет на поводу своих наплывающих мыслей и ассоциаций. Содержательная сторона преобладает над формальной, что неудивительно, поскольку она любитель, а не профессионал.

Автор интуитивно определяет свои тексты как «стихи», «статьи», «рас-

сказы», «воспоминания» (например, *«Дневник воспоминаний прошлых лет...»*), «автобиография», «тетрадь-дорожная», «заметки», «путевые заметки», «сказка» и др., что дает основание судить о ее своеобразном жанровом мышлении – это пример обыденной жанровой рефлексии, обыденного жанрового метаязыка. Г.П. не очень-то знакома с определениями жанра, признаками тех или иных жанров, поэтому жанровую квалификацию дает интуитивно, иногда по просьбе собирателя-исследователя. Тексты ГП могут быть классифицированы именно таким образом, как она это делает, лишь условно, поскольку перечисленные жанры в ее исполнении подчас незначительно отличаются друг от друга и во многом совпадают по тематике и форме, хотя все же некоторые жанровые признаки имеют место, но прослеживаются лишь пунктирно, как некоторая тенденция. Можно назвать такое жанровое сознание «плавающим». Поскольку не представляется возможным каждый текст ГП квалифицировать как сложившийся в литературоведении жанр, мы будем использовать термин «жанроид», предложенный К.Ф. Седовым, который определяет его как жанровый гибрид, располагающийся в пространстве между жанрами и имеющий признаки сразу двух жанров: «...текучесть, незавершенность норм внутрижанрового поведения позволяет выделить в рамках предлагаемой типологии переходные формы, которые осознаются говорящими как нормативные, но располагаются в межжанровом пространстве» [17. С. 71; 18. С. 150]. В нашем исследовании жанроид понимается как жанровое образование, некоторыми признаками совпадающее с каким-нибудь литературным каноном, другими же признаками – с другим каноном или же вообще не имеющее признаков литературного жанра. Последние – наиболее сложные для анализа, но весьма интересные для исследования обыденного жанрового мышления наивного автора. В этом отношении нам представляется бесспорным утверждение М.Л. Лурье: «Наивная литература идет за литературой профессиональной, может быть с отставанием и противоречиями, но никаких новых форм она не выдумывает. Основным признаком "наивного" текста является зазор между нормативными характеристиками литературного образца (будь то жанр, конкретное произведение, поэтическая форма как таковая, письменная речь вообще) и реальностями текста; основным признаком "наивного автора" будет непреднамеренное невладение этими нормами» [9]. Как нам представляется, это мнение («никаких новых форм она не выдумывает») требует специальной проверки, которая может быть осуществлена лишь после жанроведческого исследования различных текстов наивной литературы с позиций гносеологической толерантности, хотя сама мысль, что наивный автор ориентируется на канонизированные образцы, не вызывает сомнений. Но ведь и профессиональные авторы на них ориентируются, при этом нередко оставаясь (или становясь со временем) самостоятельными и оригинальными писателями и поэтами в различных, в том числе и жанровом, отношениях.

Безусловно, понимание жанра в сознании профессионального и наивного авторов художественных произведений не совпадают. В научном понимании (которое должно соотноситься с жанровым мышлением профессионального писателя) литературный жанр – это сложившийся в процессе развития художественной словесности вид произведения. Жанр произведения традиционно определяется по целому ряду признаков – содержательных и формальных: содержание

произведения; способ повествования, описания, воспроизведения событий, явлений, системы образов, героев; отношение автора к изображаемому; характер конфликтов и их развитие в сюжете; пафос произведения; приемы обрисовки, изобразительно-выразительные средства; стилевая манера.

У наивного автора нет цели структурировать своё творчество, вставить свои тексты в жёсткие рамки жанровых канонов. Текст создается спонтанно, под напором возникающих ассоциаций, и если иногда вначале еще имеются признаки жанра (заголовок, нечто вроде эпиграфа, указание на хронотоп – время и место описываемого содержания), то далее может идти как формальная (стихотворная – прозаическая форма), так и содержательная трансформация. Для Галины Петровны, как и для большинства носителей ЕПР, главным является не форма, а содержание и свое отношение к нему. И поскольку в текстах исследуемой письменно-речевой личности переплетаются тема и жанр, мы используем термин жанрово-тематический диапазон текстового материала.

Методика работы с материалом на данном этапе – соотнести тексты ГП с жанрами художественной литературы и выявить наиболее устоявшиеся в ее творчестве жанроиды.

3. Далее мы переходим к анализу жанровых образований текстов Г.П. Касаткиной, сохраняя, как это принято в таких случаях, авторскую орфографию, пунктуацию и стилистику при цитировании отрывков из текстов.

Жанроид **мемуарные записки**. К этому жанроиду можно отнести тексты, содержащие воспоминания о реальных событиях общественного и личного характера.

Наиболее яркие элементы мемуарного характера мы находим в тексте про строительство завода: во-первых, заголовки типа *Дневник воспоминаний прошлых лет восстановить не так-то просто. Таджикистан. Конец 70х – начало 80х годов* указывают на хронотоп произошедшего события, что должно, вероятно, по замыслу автора, свидетельствовать о достоверности событий; во-вторых, автор повествует об общезначимом событии, важном для страны, – строительстве заводов и ГЭС: *Моё пребывание в эту союзную республику было началом новой жизни. Я вся влилась полностью в кипящую трудовую деятельность. Стройка велась братскими народами со всего СССР и даже дальнего зарубежья. ЧССР, ГДР, Франции. Строили Нурекскую ГЭС, Рогунскую ГЭС, Таджикский алюминиевый¹ з-д, фарфоровый з-д*. В-третьих, имеется некоторое движение сюжета в соответствии с хронологией развития событий.

Текст *«Моё детство»* можно отнести к мемуарам (воспоминаниям) постольку, поскольку в них есть установка на передачу достоверности происходящего, имеет место некоторое хронологическое движение сюжета. Текст состоит из нескольких смысловых частей. В первой ГП повествует, как она в четырёхлетнем возрасте *раскрутила на винтики и шпунтики* радио, за что была наказана матерью. Во второй части автор описывает себя уже шестнадцатилетней, вспоминает учёбу в школе, учителей, одноклассников. Вторая часть состоит из шести небольших отрывков, тематика которых касается

¹ Сохранены орфография и прочие авторские аномативные черты.

школы, ее директора, учителей математики, химии, географии, физкультуры, истории. Третья часть – слияние двух предыдущих частей: возвращение к себе четырехлетней, потом «перескок» к семнадцатилетней – и снова авторское «метание» между разными хронологическими пластами.

Несмотря на явные сюжетные разрывы, формально – графически, пунктуационно, абзацно – это не отмечено, лишь в сам текст вводятся слова *Затем я выросла. 16 лет; Вернусь к написанному мною строкам о радио.*

Особое место занимает текст, названный автором *Автобиография*. Он близок к мемуарным запискам, в которых повествование начинается с представления себя, а затем переходит к описанию происхождения её семьи, установление родственных связей и т.д.: *Я Прохорова-Касаткина Галина Петровна. 7.04.1940. г. Кемерово. П. шахта «Пионер». Школа №32. Образование среднее. Мои родители: – Мать Финогенова Агриппина Михайловна, по мужу Прохорова. Отец Прохоров Пётр Дмитриевич 1911 г. 11.05. г. Тогучин Новосибир. об.* Далее следует рассказ о родственниках со стороны матери и сожаление, что не сохранилось никакой информации о линии отца. Как и в большинстве текстовых произведений ГП, и здесь сюжет развивается ассоциативно, после краткого рассказа о бабушке следует упоминание о тётках и их судьбах. В целом имеется как бы конфликт авторской номинации жанра, в котором заключена первоначальная интенция автора – рассказать о себе, в основном останавливаясь на фактологической стороне жизненного пути, и мемуарного развития сюжета: и другие авторы мемуаров нередко начинают с описания своих родовых корней.

Мемуарными чертами отличается особая группа текстов – «рассказы о животных», поскольку в них описываются реальные события из жизни автора, о чем свидетельствуют указания на время и место: *Таджикистан, г. Душанбе 1974 г., Таджикистан, г. Турзун-заде.* Но по большинству признаков мы эти тексты отнесли к жанроиду «рассказ».

Жанроид **рассказ** обнаруживается нами в тех случаях, когда эпическая форма повествования отличается некоторой сюжетной законченностью, повествование замещает (по сравнению с мемуарными записками) простое указание на факты и события, есть элементы художественного переосмысления упоминаемых событий и лиц.

В «рассказах о животных» в стилевую ткань повествования могут вплетаться разножанровые элементы. Так, рассказ о коте Яшке, во-первых, имеет двойное заглавие: «поэтическое» – *О животных поведу рассказ. С какой любовью они ожидают нас* и мемуарно-дневниковое – указание местности: *Таджикистан, г. Турзун-заде.* Во-вторых, в тексте имеют место стилевые черты сказки – сказовый стиль, частичная рифмовка: *О животных поведу рассказ. Чтобы доброта к ним была у нас. Жили были три кота. 1-ый Яшка сирота. Хозяйка умерла в Рождественские морозы. Сын её учённый, альпинист. Жестокость к Яшке проявил. Дом продал. Далеко в лес его завёз. Думал всё, замёрз. Яшка живучим оказался. Страно. Домой он приполз. Суций скелет. Новая хозяйка. Будто ей чувство подсказало. Открыла дверь. От мороза руки к дверной ручке прилипали. Видит у порога кот лежит, еле дышит. Обледел. Мяукать не было сил. Взяла его хозяйка. Сказала ему добрые слова. Которых он давно не слышал. Отогрела ...* Этот текст мы квали-

фицируем как жанроид «рассказ», поскольку в нем автор именно повествует о событиях, а не сообщает факты. Эпическое начало *поведу рассказ* и зачин *жили-были три кота* (ассоциация с тремя братьями из традиционных сказок) указывают на сказочные мотивы. Кот Яшка остался сиротой, и ему приходится пройти через многие трудности, чтобы вернуть себе прежнюю жизнь. В аналогичной ситуации часто оказывается главный герой сказок Иван-царевич. Другие два кота, Васька и Маркиз, сравниваются с братьями Ивана, которые его всегда недолюбливали. Сказочный герой спасается и добивается победы обычно благодаря волшебному помощнику. В исследуемом тексте эту функцию выполняет «хозяйка». На этом элементы сказки заканчиваются, но рассказ о коте Яшке продолжается. Таким образом, перед нами как бы цикл маленьких рассказов о животных, связанных одним образом кота: о возвращении Яшки, о его печальной судьбе, о кошачьей совести, о котах и корове, о собаке Жульке. Стилистика сказки перемежается со стилистикой рассказа. В формальном отношении отметим не совсем оправданную парцелляцию предложений.

В других рассказах о животных также имеются иножанровые вкрапления: морализаторские высказывания, характерные для басен, и пр. (*Хочется сказать о животных. Они всё понимают только сказать не могут.*) В других рассказах (например, про собаку Жаннетту) текст не содержит иных стилистических вкраплений, кроме указания на время и место, которые нужны автору, чтобы подчеркнуть достоверность события.

Текст «Ванькино детство», который отнесен нами к жанроиду «рассказ», состоит из нескольких отрывков-воспоминаний, хронологически не выстроенных в одну временную линию. На каждом листе помещен новый минирассказ на заданную тему – про мальчика Ивана (он приходится Галине Петровне родным братом). В начале текста имеется номинация жанра, хронотоп, не совсем понятно, к чему относящийся, по-видимому – указывается день рождения мальчика – героя рассказов, дается и заголовок: *Рассказ. Кавказ. г. Армавир. 12.06.1936 г. Ванькино детство*. Сбоку (слева) в столбик приведено нечто вроде эпиграфа: *Среди армян русский Иван*. Однако это не цитата из произведения какого-либо известного писателя, а придуманная Галиной Петровной рифмованная фраза, назначение которой не совсем ясно.

Эти тексты имеют признаки мемуаров, поскольку содержат упоминания о родителях, личные воспоминания, в том числе об общественно значимых событиях. Стилистика изложения спокойная, несколько отстраненная, хотя не лишенная оценочности – заканчивается рассказ как бы обобщающей фразой, несколько напоминающей морализаторскую концовку басни: *Поэтому до глубокой старости сохранил доброту, любовь к людям. И его любили*. Сами коротенькие рассказы о Ване имеют определенную законченность, что позволяет относить их в целом к жанру «рассказ».

К жанроиду **баллада** мы отнесли рифмованный текст *Снился ему в тумане один грош в кармане*, поскольку в нем имеются некоторые балладные признаки: лироэпическая стилистика, несколько мрачноватый, таинственный колорит (*Сон вещей. За окном метели. Вьюга делает своё.*), романтическая настроенность матери на светлое будущее сына (*Сына! Сон вещей. Работа ждет тебя*), печальная интонация, безрадостная концовка, стихотворная

форма имеет членение на строфы. Однако весь сюжет построен на житейском, бытовом материале, слабо выдержана логика развития сюжета.

Жанроид **поэтическое послание** представлен двумя текстами, озаглавленными: 1) *Основоположникам воздухоплавания того времени посвящая, Циолковскому, Можайскому, Жуковскому по радиодинамике, Попову и Королеву по космонавтике* и 2) *Олигарху Прохорову Михаилу от Прохоровой Галины Петровны. 650070, г. Кемерово, ул. Свободы, д. 11 ФПК, дежурной.* Оба текста имеют некоторое несоответствие пафосного заголовка общественного звучания приподнято-лирическому содержанию самих произведений. Тексты частично рифмованные, первый к тому же разбит на строфы, написан «в столбик», второй – сплошным текстом. В первом тексте, содержащем имена конкретных адресатов, преобладает модальность восторженной радости несколько абстрактного звучания, поскольку конкретного обращения к указанным адресатам нет, хотя каждая строфа «озаглавлена» именем адресата, например: *Можайскому / Да будет память предкам нашим! / Проложившим путь нелегкий в океан / До чего же мир прекрасен в настоящем! / Жизнь народа хороша / Когда авиация на службу как язык вошла.* Заканчивается это произведение обращением к чиновникам (*Чиновники! Не надо для науки ресурсы ужимать <...>*), несколько морализаторская стилистика которого наводит на мысль о басенном жанре. Особого упоминания заслуживает концовка послания: *Ну, ладно от дела отвлеклась.* Этот несколько неожиданный и письменно зафиксированный выход автора послания в реальную действительность является характерным признаком естественной письменной речи: тексты вписаны в повседневное бытие, граница между «миром литературы» и «миром реальной жизни» прозрачна и легко преодолима. Заметим, что для ЕПР вообще характерна организация текста по аналогии с организацией мыслительной структуры, а вернее – структуры сознания: автор текстов ЕПР, находясь в «мире литературы», постоянно, хотя бы на периферии сознания, продолжает оставаться «в мире реальной жизни». Профессиональный автор чувствует эту границу гораздо сильнее, поскольку его ментальное поведение более дисциплинированно и отрефлексовано.

Этот текст имеет гибридную в жанровом отношении природу: заголовок всего текста и каждой строфы, начинающейся с имени адресата в дательном падеже, предполагает обращение к конкретному лицу, но ничего такого нет: текст носит характер абстрактного (в отношении адресованности) восторга перед «воздухоплаванием» – освоением космоса и воздушного пространства. Так, строфа, как бы обращенная к конкретному лицу, сразу получает обобщенное звучание: *Королеву / Космонавты! / Вы люди большого полета...*

Второе послание более конкретно в отношении указания на адресата – известного олигарха, которого она подозревает в родстве с ней, поскольку ее девичья фамилия также Прохорова. Намек на это содержится в «заголовке-обращении» (*от Прохоровой*, хотя это ее девичья фамилия, а настоящая фамилия – Касаткина) и в подписи *Прохорова-Касаткина*, и в конце послания высказано как бы предположение об их возможном родстве, поскольку, кроме общности фамилии, имеется общая «родовая» черта – неуспокоенность, активность, трудолюбие: *Древо предков родства, я не знаю. Но нити в Прохорове чувствую есть. Вечно в движении, нет время присесть.* Этот текст

интересен тем, что в нем перемежаются «общественная» мысль и лирическая струя. Социально значимая идея прослеживается в рамочной структуре: послание начинается с обращения и указания на основную – общественную – мысль своего послания (*Михаил! Сколько у Вас добра? А вот деревня в России бедна*), заканчивается также словами социально значимого содержания, пробелом отделенными от основного текста (*Еще Ломоносов говорил. Россия будет множиться Сибирью. Европейцы удивляются. Ее большому изобилию*), к тому же и в тексте есть вкрапления типа *Коровы пасутся на тучных лугах. Это значит заботу о них проявил олигарх; Надеюсь, Вы ответите. Не оскудеет Ваша рука. Зато услышим радостный крик петуха*. Прозаическая экономическая программа восстановления деревни почти отсутствует, кроме строчек: *Ждет земля, не дожждется. Когда работать начнут трактора. Сеять пора*. В целом же сам текст имеет лирическую тональность и поэтическое содержание: описывается красота, идиллическая гармония деревенской жизни, которая была раньше (по ее воспоминаниям) и которая будет опять, когда олигарх расщедрится и даст финансы на восстановление деревни. Этот текст в большей мере выдержан в жанре послания, чем первый, хотя имеется определенное противоречие между общественно значимой интенцией и субъективно-личностным и лирическим содержанием и стилистикой. Отделенные от основного текста послания фрагменты со словами Ломоносова и с замечаниями о завистливом удивлении «европейцев» нашему изобилию также носят иножанровую природу, трудно квалифицируемую в жанровом отношении (итог? мораль? комментарий?), что свидетельствует также о жанровой гибридности этого произведения.

Рамки статьи не позволяют подробно остановиться на других жанроидах. Ограничимся перечислением некоторых из них и дадим общий комментарий. Жанроид **путевые заметки** (*Тетрадь – дорожная. / записей – заметок / Касаткиной Галины Петровны. 2008 г.*) содержит несколько текстов, навеянных дорожными впечатлениями («Медный всадник», «Казанский собор», «Обход», «Туризм. Экскурсия», «Таджикистан»). Однако в жанровом отношении это также гибридные образования: это не столько путевые заметки, как обозначено в названии тетради, сколько вольные поэтические экспромты большей частью с социальной направленностью, стимулом к которым стали Медный всадник, Казанский собор, храм в Соловках. Тетрадь также содержит неоформленные тексты в виде маленьких лирических зарисовок, когда, например, стимулом явились природные объекты (текст *Ивушка*).

Гибридной жанровой природой отличаются многочисленные тексты, которые объединены общим тематическим содержанием – **социально-политическим** – и являются ментально-психологическими реакциями на телевизионные передачи. Они настолько своеобразны, что мы затрудняемся определить их общую жанровую квалификацию. Условно их можно было бы назвать **рецензиями, комментариями**, если бы они не имели признаков художественного осмысления полученной информации. Эти тексты распределяются на три подгруппы: **публицистика, гражданская лирика, сатира**. Эти тексты все рифмованные, но иногда содержат в прозаической форме комментарий, поясняющий мотивацию обращения к этой теме. Так, например, написанное (после просмотра ТВ-передачи на социально значимую и

излюбленную Галиной Петровной тему «богатые – бедные») произведение с жанрово-тематическим заголовком *Бизнес. Миллиардеры. Сказка* (второй вариант этого текста имеет заголовок *Сказка на современную тему бизнеса*) завершается (после большого пробела) прозаическим комментарием-пояснением: *Желтуха свирепствовала, косила как сейчас птичий грипп. По телевизору показывали как в Японии и Китае готовят блюдо из мышей и крыс. Обжаривают тушку как рыбу со специями. Так и накормят нас мышами.* В тексте преобладающий басенно-сказочный мотив (главный герой – кот как иносказательная фигура бизнесмена, стремящегося *приумножить уйму барышей*, мыши – угнетаемые) к концу произведения легко перетекает в рассуждения-сопоставления. В целом по жанру этот текст близок к басне.

Значительное место в творчестве ГП занимают **мистические** тексты, весьма условно могущие быть квалифицированы как жанроид **фантазмагории**, которые в большинстве своем являются пересказом вещих снов и встреч с инопланетянами, предвещающих беды. Эти тексты имеют разнородную жанровую природу, описанию чего требуется уделить значительно большее место, чем могут позволить рамки статьи.

Заключение. Общелингвистическое и жанровое представление письменно-речевой личности ГП.

Исследуемая нами лингвоперсона в письменно-речевом аспекте характеризуется рядом признаков.

1. ГП легко переключается на письменный код речи, относясь к нему с определенным пиететом: она перерабатывает свои тексты, переписывает их набело, стремится писать так, как учили в школе, – аккуратно, разборчиво, с соблюдением нормативных требований.

2. ГП весьма продуктивна в своей письменно-речевой деятельности (только в нашем распоряжении имеются около семидесяти текстов, вместе с вариантами).

3. ГП относится к типу грамотных личностей, неплохо знакома с нормами орфографии, но в отношении пунктуационных знаков она проявляет большую свободу, ориентируясь на интонационный рисунок своей речи (что свойственно текстам ЕПР). Для нее характерна не всегда оправданная с точки зрения логики и стилистики парцелляция предложений.

4. ГП ориентируется на литературную речевую норму, ее тип речевой культуры можно отнести к среднелитературному с вкраплениями обиходного [19].

5. ГП неплохо пользуется различными стилями, в исследуемых текстах выделяются сказовый, лирический, публицистический и констатирующе-фактологический стили. Но особенно ей близка возвышенная тональность, она часто избирает «высокий штиль». В целом стилистика письменно-речевых произведений отличается: а) субъективностью; б) эмоциональностью и яркой оценочностью; в) ассоциативностью в ущерб логической и сюжетной стройности.

В жанровом аспекте письменно-речевую личность ГП можно охарактеризовать следующим образом.

1. ГП пишет как служебные тексты, так и частно-личные, отдавая предпочтение «художественным» и «публицистическим» письменно-речевым

произведениям. Характерно, что отсутствуют тексты, посвященные семейной теме, – не обнаружилось в представленном нам материале хотя бы отдельных строчек о мужьях, детях, внуках и правнуках, в то время как о родителях и родне есть упоминания в текстах мемуарного характера. Предполагаем, что «общественный темперамент» ГП проявился и здесь: она вписывает себя в больший контекст, чем узкосемейные рамки. Заметим, что в устном разговоре она рассказывает о своей семье легко и непринужденно, но, видимо, включаясь в письменно-речевую деятельность, считает эти темы слишком узкими, интимно-личными и «недостойными» для описания. В этом также, на наш взгляд, проявляется уже упоминавшийся нами выше пиетет перед письменным способом фиксации информации.

2. ГП, с ее художественной натурой, имеет природное чувство формы: предпочитает использовать стихотворную и строфическую организацию текста, стремится разбивать его на абзацы. При этом тексты редко выдержаны в одном ключе, много «перебивок» и перемежающихся тем, стилистических пластов и форм: стихотворная форма может незаметно переходить в прозаическую, а затем опять в стихотворную – она сама этого не отслеживает. Мы не говорим уже о ритмике и качестве рифм: ощущается влияние не только классической литературы, но и фольклора, также не очень строгого в отношении этих «формалистических изысков». Мы видим в этом проявление сущностных характеристик естественной письменной речи: «Каждый пишет, как он дышит, не старясь угодить».

3. ГП знакома с жанровыми канонами приблизительно, нередко вместе с заголовком обозначает жанровую маркировку своих речевых произведений, но владеет жанровыми формами на любительском, поверхностном уровне. Она является носителем того, что мы называем «плавающим жанровым сознанием». Ее жанровые квалификации своих текстов нередко имеют некоторую поддержку на текстовом уровне, но в целом наблюдается гибридный характер жанровых форм, что позволило нам дать им определение «жанроиды» (мемуары, автобиография, рассказ, баллада, послание, путевые заметки, лирическая зарисовка и др.).

4. При всем своем стремлении к жанровой организации продуцируемых речевых произведений, ГП, будучи носителем естественной письменной речи, обнаруживает свободное обращение с формальной стороной продуцируемых текстов, с организацией как собственно формы, так и формальной стороной содержания. Направленность на выражение содержательной стороны сообщаемого и своей эмоционально-оценочной субъективности, реализуемая путем ассоциативного развития мысли, приводит к подавлению формальной стороны жанра.

Далее попытаемся дать комплексную характеристику письменно-речевой личности ГП.

Обладая филологической компетенцией, полученной в объеме средней общеобразовательной школы советского периода и продолжая «образование» в основном путем просмотра телевизионных передач, ГП представляет собой в письменно-речевом отношении среднестатистический российский тип старшего поколения (по гендерному типу – женский вариант), слабо владеющий жанровыми канонами, свободно варьирующий их отдельные при-

знаки, перемежающий различные тональности, в которой преобладают повышенная эмоциональность, ассоциативность и субъективность.

Люди этого типа воспитаны на текстах классической литературы и имеют уважение к нормативной стороне письменной речевой деятельности, особенно когда касаются не столько бытовых, сколько «больших» тем – социально значимых и общепризнанных. Воспитание советской школой проявляется как в выборе тем ее «произведений», так и в модально-оценочной стороне: она болеет душой за страну, за крестьянство, за бедных и угнетенных, не любит «олигархов» и бизнесменов.

Личностные характеристики этой письменно-речевой личности обусловлены ее биографическими, ментальными и психологическими факторами. Будучи «выходцем из народа» (да и оставшимся там), она отражает пласт «низового» и «среднего» социального сознания, с этих позиций она подходит к восприятию и оценке всего «содержания жизни». Но как человек активный, смелый и отзывчивый на чужую боль, она считает возможным и нужным отзываться на события «большого» значения в уважаемой ею письменной форме, в чем кроется ее желание оказать влияние на происходящее. В глубине души она, конечно, мечтает быть услышанной («прочтенной»), но робость (идущий от воспитания комплекс неполноценности) вряд ли позволит ей на это решиться.

ГП – человек холерического темперамента, ярко выраженный художественный тип, с неупорядоченным, ассоциативным мышлением, со слабой саморефлексией, с элементами мистического восприятия, с большой креативной способностью к созданию письменно-речевых текстов – пишет под влиянием наплывающих впечатлений, подавляющих рациональное начало. Все это проявляется на различных уровнях письменно-речевой деятельности, в том числе и в ее жанровой организации.

Представленный опыт описания письменно-речевой личности позволяет, как мы полагаем, говорить об определенных диагностических возможностях предложенной методики: возможность увидеть через «жанровое окно» всю языковую личность в целом.

Литература

1. Лебедева Н.Б. 10 лет изучения естественной письменной речи: подходы, решения и перспективы // Естественная письменная речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 4: Дискурсы и жанры письменной речи: сб. науч. ст. Кемерово, 2011. С. 14–29.
2. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как проявление повседневной народной культуры // Антропотекст-1: сб. ст. Томск, 2006. С. 295–303.
3. Лебедева Н.Б., Зырянова Е.Г., Плаксина Н.Ю., Тюкаева Н.И. Естественная письменная речь: жанры «студенческое граффити», «маргинальные страницы тетрадей», «частная записка». М., 2011.
4. Лебедева Н.Б. Homo scribens в пространстве русской народной культуры // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: Материалы междунар. конф. 14–16 марта 2002 г. СПб., 2004. С. 213–221.
5. Сухотерина Т.П., Лебедева Н.Б., Воронова Н.Г., Дмитриева Е.Ф., Панкрашова О.С. Жанры естественной письменной речи: народные мемуары. Барнаул: АлтГПА, 2012.
6. Голев Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. Кемерово; Барнаул, 2009. С. 7–40.

7. Голев Н.Д. Некоторые аспекты типологии языковой личности (к проблеме взаимоотношения языкового и персонного пространства) // Коммуникация. Мышление. Личность: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. И.Н. Горелова и К.Ф. Седова. Саратов, 2012. С. 499–516.
8. Неклюдов С.Ю. От составителя // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/index.htm>
9. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино»: Наивное письмо: Опыт лингво-социологического чтения. Записки Киселёвой Евгении Григорьевны. М., 1996.
10. Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: публикация и исследование текста / подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск, 1995.
11. Воспоминания работницы М.Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь»: публикация и исследование текста / подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск, 1997.
12. Солдатские воспоминания Н.Ф. Шульгина и Г.П. Еланцева: публикация и исследование текста / подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск, 2000.
13. Воспоминания А.Н. Белозерова «Записки районного служащего»: публикация и исследование текста / подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск, 2002.
14. История советской правоохранительной системы в мемуарах юриста С.А. Мордвинова: публикация и исследование текста / предисл. и коммент. Б.И. Осипова и Е.А. Рониной. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. (Народные мемуары; вып. 8).
15. Лебедева Н.Б. Толерантность и естественная письменная речь // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М., 2005. С. 278–288.
16. Седов К.Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
17. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004.
18. Седов К.Ф. Онтопсихолингвистика: становление коммуникативной компетенции человека. М., 2008.
19. Сиротинина О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 2. С. 3–20.